

Оригинальная статья / Original article

УДК 821.161.1

**К вопросу об особенностях вербализации бинарной оппозиции
«земля – небо» в романе А. Платонова «Чевенгур»**Н.Б. Бугакова¹ ✉¹Воронежский государственный технический университет

ул. 20-летия Октября 84, г. Воронеж 394006, Российская Федерация

✉ e-mail: ya_witch@mail.ru

Резюме

Актуальность предлагаемого исследования заключается в том, что исследование бинарных оппозиций, их функционирования и особенностей вербализации в языковой и мифопоэтической картинах мира конкретного автора призвано помочь реконструировать модель мира, сформировавшуюся в его сознании. Известные на данный момент работы, анализирующие творчество А. Платонова в этом аспекте (напр., работы М.А. Дмитриевской «Язык и мирозерцание А. Платонова» (1999), К.А. Баршта «Поэтика прозы Андрея Платонова» (2005), Ю.А. Сухомлиновой «Бинарные оппозиции в творчестве Андрея Платонова» (2005), В.В. Мароши «Роль мифологических оппозиций в мотивной структуре прозы А. Платонова» (1991), И.В. Сосновской «Открытие смысла художественного произведения через систему бинарных оппозиций (по повести А. Платонова «Сокровенный человек»)» (2017) и др.), на наш взгляд, недостаточно полно освещают проблему, которой посвящено настоящее исследование.

Целью нашей работы является рассмотрение функционирования бинарной оппозиции «земля – небо» в романе А. Платонова «Чевенгур» и выявление индивидуально-авторского своеобразия мифопоэтической картины мира писателя.

Задачи. Рассмотреть семантический потенциал бинарной оппозиции «земля – небо» в романе А. Платонова «Чевенгур» с точки зрения выявления авторских особенностей вербализации.

Методология. Методом сплошной выборки из рассматриваемого романа были отобраны случаи употребления автором лексем, вербализующих оппозицию «земля – небо», проведен сопоставительный анализ с данными национальной языковой картины мира, отраженными в словарях.

Результаты. Анализ функционирования бинарной оппозиции «земля – небо» и способов ее лексической объективации в романе А. Платонова «Чевенгур» позволяет сделать вывод, что в языковой картине мира писателя находит отражение мифопоэтическая картина мира, в соответствии с которой земля, при правильном с ней обращении, выступает в роли матери, кормилицы и защитницы, может укрывать, предоставлять убежище. Небо в рассматриваемом романе – это структура, способная выполнять функции земли, поскольку по отношению к земле небо вторично. Небо может изменяться в зависимости от того, что происходит на земле.

Вывод. Для лексической объективации оппозиции «земля – небо» автором используются лексемы земля, небо, которые вводятся в художественный текст романа «Чевенгур» с приращением смысла.

Ключевые слова: земля; небо; бинарные оппозиции; мифопоэтическая картина мира; языковая картина мира; вербализация

Конфликт интересов: Автор декларирует отсутствие явных и потенциальных конфликтов интересов, связанных с публикацией настоящей статьи.

Для цитирования: Бугакова Н.Б. К вопросу об особенностях вербализации бинарной оппозиции «земля – небо» в романе А. Платонова «Чевенгур» // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Лингвистика и педагогика. 2022. Т. 12, № 4. С. 58-67.

Статья поступила в редакцию 01.08.2022

Статья подписана в печать 27.10.2022

Статья опубликована 21.12.2022

To the Question of the Features of the Verbalization of the Binary Opposition "Earth - Sky" in A. Platonov's novel "Chevengur"

Nadezhda B. Bugakova¹ ✉

¹Voronezh State Technical University

str. 20th anniversary of October, 84, Voronezh 394006, Russian Federation

✉ e-mail: ya_witch@mail.ru

Abstract

Relevance. The relevance of the proposed study lies in the fact that the study of binary oppositions, their functioning and features of verbalization in the linguistic and mythopoetic worldviews of a particular author is intended to help reconstruct the model of the world that has formed in his mind. Currently, there are no works devoted to such an analysis of A. Platonov's work.

The purpose of our work is to consider the functioning of the binary opposition "earth - sky" in A. Platonov's novel "Chevengur" and to identify the individual author's features of the writer's mythopoetic worldview in relation to the national worldview.

Objectives. Consider the cases of the functioning of the binary opposition "earth - sky" in A. Platonov's novel "Chevengur" from the point of view of identifying the author's features of verbalization.

Methodology. Using the method of continuous sampling, cases of the author's use of lexemes that verbalize the opposition "earth - sky" were selected from the novel under consideration, a comparative analysis was carried out with the data of the national linguistic picture of the world, reflected in dictionaries.

Results. An analysis of the functioning of the binary opposition "earth - sky" and the methods of its lexical objectification in A. Platonov's novel "Chevengur" allows us to conclude that the writer's linguistic picture of the world reflects the mythopoetic picture of the world, according to which the earth, with proper handling, acts as a mother, nurse and protector, can shelter, provide shelter. The sky in the novel under consideration is a structure capable of performing the functions of the earth, since the sky is secondary in relation to the earth. The sky can change depending on what is happening on earth.

Conclusion. For lexical objectification of the opposition "earth - sky", the author uses the lexemes earth, sky. These lexemes function in the novel "Chevengur" in the meanings recorded in explanatory dictionaries.

Keywords: earth; sky; binary oppositions; mythopoetic picture of the world; language picture of the world; verbalization.

Conflict of interest: The Author declare the absence of obvious and potential conflicts of interest related to the publication of this article.

For citation: Bugakova N. B. To the Question of the Features of the Verbalization of the Binary Opposition "Earth - Sky" in A. Platonov's novel "Chevengur". *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Lingvistika i pedagogika = Proceedings of the Southwest State University. Series: Linguistics and Pedagogics.* 2022, 12(4): 58–67 (In Russ.).

Received 01.08.2022

Accepted 27.10.2022

Published 21.12.2022

Введение

Бинарные оппозиции, осуществляющие функцию связи разноуровневых компонентов художественного текста и формирующие его целостность, отражают особенности индивидуально-авторского мировидения. Несмотря на достаточное количество работ (В.В. Мароши

[1], М.А. Дмитриховской [2], К.А. Баршта [3], Ю.А. Сухомлиновой [4], И.В. Сосновской [5] и др.), посвященных анализу способов вербализации бинарных оппозиций в текстах А. Платонова, полагаем, что наша работа, рассматривающая восприятие таких миромоделирующих понятий, как *земля* и *небо* в романе «Чевенгур», способствует расширению знаний

об индивидуально-авторской картине мира писателя.

Материалы и методы. Методом сплошной выборки из рассматриваемого романа были выделены случаи употребления автором лексем, вербализующих оппозицию «земля – небо», проведен сопоставительный анализ с данными национальной языковой картины мира, отраженными в словарях.

Результаты и обсуждение

В толковых словарях зафиксированы следующие значения лексемы *земля*, отражающие национальную картину мира русского человека: «планета, один из миров или несамосветлых шаров, коловращающихся вокруг солнца / Наш мир, шар, на котором мы живем, земной шар / В значении стихийном (огонь, воздух, вода, земля): всякое твердое, нежидкое тело, четвертая стихия, и в этом знач. самое тело человека именуется землею. Земля еси, в землю отъидеши» [6, с. 564]. Лексема *небо* имеет следующие значения: «бесконечное, выпретенное пространство, окружающее землю нашу; вся ширь и глубь вселенной, иногда со включением мироколицы нашей / Мнимая твердь над нами, видимый полый шар, внутренняя плоскость его, к коей мы относим и все зримое в пространстве, небесный свод» [7, с. 784].

Рассматривая функционирование оппозиции «земля – небо» в романе А. Платонова «Чевенгур», не можем не обратить внимание на то, что *земля* и *небо* – это главная космогоническая оппозиция. По словам В.Н. Топорова, функционирование оппозиции «земля – небо» обусловлено тем, что «противопоставление небо-земля (подземное царство) воплощено в приурочении божества к небу, человека к земле» [8, с. 161].

Еще одним аспектом оппозиции «земля – небо» является понимание *земли* как Матери, от которой рождается мир. Поэтому землю свойственно воспринимать как защитницу. В традициях славян

земля, на которой родился человек, имела огромную сакральную значимость: человек, собираясь в чужие края (или, например, на войну), брал с собой горстку родной земли, поскольку считалось, что она будет помогать преодолевать трудности. Свидетельством этого верования можно считать, например, одну из русских народных сказок «Иван – крестьянский сын и Чудо-юдо» [9]. Главный герой сказки сражается у реки Смородины с шестиглавым, девятиглавым и двенадцатиглавым змеем, которые вбивают его по колени, по пояс и по плечи в землю. Мы видим, что силы Ивана не убывают, а прибавляются. Родная земля дает ему необходимую моральную поддержку и физическую силу, и он выходит из схватки победителем.

Однако *земля* также является структурой, которая принимает в себя человека, – яма, могила и т.п., что мифом толкуется как окно в иной мир, как место стыка жизни и смерти; *небо* в таком случае выполняет функцию купола, закрывающего землю от вторжений извне (здесь уместно, думается, провести параллель с Покровом Богородицы, который она распростерла, чтобы укрыть) [10, с. 452]. Существует точка зрения, определяющая дуальность неба-земли как систему «эмоционально-образных оппозиций» [11, с. 87].

В соответствии с классификацией языческих божеств, введенной Е.Ф. Карским, на первое место в иерархии солнечных божеств помещается бог неба Сварог, а на второе – «жена Сварога», Мать-Сыра Земля, почитание которой как божества было распространено у восточных славян (целовать землю, есть землю при клятвах, припадать к земле) [12, с. 225].

Небо, которое мы видим, мы представляем, как уже было отмечено, как купол (отсюда и существующее в языке словосочетание небесный свод). Подобное восприятие неба позволило провести параллель с пониманием небесного свода как горы (очи горе – значит, вверх, к небу).

Обращаясь к художественным текстам А. Платонова, отметим, что для писателя *небо* – опасное, чужое, *земля* – свое, настоящее. Однако возможны ситуации, когда героям текстов А. Платонова земная жизнь кажется неустроенной, хрупкой, ненадежной, поэтому они всеми способами стремятся вырваться из-под власти сил земли, устремляясь к небу («Лунная бомба», «Маркун»). На это также обращает внимание Н.М. Малыгина, которая считает, что «мысль о непригодности мира для жизни человека реализуется в творчестве Платонова в образах-символах адава дна, ада, ямы, оврага, могилы» [13, с. 97]. Подтверждение этой теории обнаруживается в «Чевенгуре» практически с первых страниц: «Саша решил скоро прийти из города, как только наберет полную сумку хлебных корок; тогда он выроет себе землянку рядом с могилой отца и будет там жить, раз у него нету дома» [14, с. 189]. Маленький Саша Дванов, оставшись сиротой, понимает, что он лишен дома и родных, и единственное место, которое он ощущает домом, т.е. чувствует себя в безопасности, – это могила отца. Ситуации, когда Саша таким образом пытается приблизиться к отцу, повторяются в романе неоднократно. Так, например, когда его посылают побираться приемные родители, он пытается избежать этой участи и пытается спрятаться опять же около могилы отца, роя землянку (т.е. устремляясь вглубь земли, т.к. землянка – это «крытое углубление в земле, вырытое для жилья, укрытия» [15, с. 396]: «– Я землянку вырою и жить тут буду, – сказал Саша. <...> прокрался к могиле отца и залег в недокрытой пещерке. <...> близ отца уснул <...> спокойно» [14, с. 193]. Очевидно, что маленький Саша воспринимает *землю* как защитницу. В то же время писатель реализует восприятие ямы в земле (землянки) как окна в иной мир, как места стыка жизни и смерти. Роя землянку, Саша пытается пробраться к отцу, чтобы получить у него так необходимую ребен-

ку поддержку родного человека. Маленького Сашу пугает большой и просторный мир, в котором он остался совсем один: «Саша испуганно глядел в пустоту степи; <...> все казалось чужим и страшным» [14, с. 193]. Поэтому он стремится найти убежище там, где меньше простора: «<...> Саше дорого было <...> вернуться в низину села на кладбище – там отец, там тесно и все – маленькое, грустное и укрытое землею и деревьями от ветра» [14, с. 193]. Как уже было сказано, герой романа воспринимает *землю* как защитницу. Но нельзя не отметить, рассматривая данные примеры, проводимую автором параллель с похоронами, когда он описывает стремление Саши углубиться в землю. Земля для Саши Дванова выполняет функцию матери, которую он давно потерял, поскольку похороны в народном сознании – это возвращение человека в материнское лоно земли. А. Платонов пишет: «Земля пахнет родителями» [16, с. 365]. И здесь обращает внимание на себя возникающее в романе противоречие традиционному восприятию смерти и похорон. Известно, что у русских людей существует обычай одеваться в чистое в случае смертельной опасности, а также одевать в новое покойника. Этот обычай связан со стремлением не осквернять землю. Помимо этого, от человека, который скоро умрет, начинает идти специфический запах. В таких случаях говорят: «пахнет землей». На наш взгляд, это обстоятельство подтверждает связь смерти и земли. В «Чевенгуре» все наоборот: «Мальчик прилег к телу отца, к старой его рубашке, от которой пахло родным живым потом, потому что рубашку надели для гроба – отец утонул в другой» [14, с. 194]. Такое отношение к ритуалу похорон обусловлено особенным отношением А. Платонова к смерти. Писатель размывает границы живого и мертвого миров, делая их взаимопроникающими, взаимозаменяемыми. Утонувший рыбак, отец Саши Дванова, «видел смерть как другую гу-

бернию, которая расположена под небом, будто на дне прохладной воды, – и она его влекла» [14, с. 192]. Очевидно, что героев А. Платонова смерть нисколько не страшит, они испытывают интерес к смерти и к тому, что будет после нее. Это обстоятельство еще раз подчеркивает мысль о том, что в картине мира писателя не существует четкой границы между миром живых и миром мертвых. Полагаем, в подобном отношении писателя к жизни и смерти нашли отражение философские идеи Н. Федорова, которым следовал А. Платонов. Эти идеи в общем заключались в том, что живые обязательно должны встретиться со своими мертвыми родственниками [17, с. 56].

Эмблематичным является то обстоятельство, что в романе отчетливо прослеживается способность земли менять свое качество. В каких-то ситуациях она мягкая, податливая (например, в начале произведения, когда маленький Саша роет землянку на кладбище, не используя никаких инструментов). А. Платонов описывает также эпизод, когда «Дванов лег и покопал пальцами почву под собой: земля оказалась вполне тучной» [14, с. 285], т.е. земля относилась к Дванову по-матерински на протяжении почти всего романа. В некоторых ситуациях употребление лексемы земля автор сопровождает введением цветовой характеристики: « – Отчего тут не пахнут? Ведь земля здесь черная! Лошадей, что ль, нету?» [14, с. 285]. Употребление прилагательного *черная* призвано сообщить читателю о том, что земля, о которой говорит герой романа «Чевенгур», плодородная, черная – это чернозем, тип почвы, распространенный на территории Воронежской области. Видим, что у героя вызывает недоумение тот факт, что земля не используется по прямому назначению – воспроизводить. *Земля* – это всеобщая кормилица, она является источником сил и здоровья. Но для того, чтобы земля была доброй по отношению к человеку, необходимо соблюдение определенных условий. За зем-

лей надо ухаживать: «Кто не почитает земли-кормилицы, тому она <...> не даст хлеба» [18, с. 95]. Очевидно, что у героев «Чевенгура» не сложились правильные отношения с землей, поэтому там не пахнут, несмотря на высокое качество земли.

Отношения Саши Дванова с *землей* противопоставлены тем, которые возникнут между ними в конце. Если в начале земля помогает Саше, защищает, выполняет функции матери, то в конце «земля была недостижима и уходила» [14, с. 301], была она «крепкая, прочная, <...> которая ждала его жизни, а через миг останется без него сиротою» [14, с. 301]. Мы видим, что Дванов и *земля* как бы поменялись местами, и теперь уже *земля* останется сиротой. Нельзя не отметить, что земля в данном эпизоде – крепкая, прочная, т.е., полагаем, автор демонстрирует читателю сложность или даже невозможность в этом случае воспользоваться землей как укрытием, потому что, очевидно, в прочном грунте вырыть землянку намного сложнее.

Постоянное стремление героев Платонова углубиться в *землю* (напр., «Котлован») обусловлено, полагаем, философскими изысканиями писателя, который считал сложившееся отношение человека к земле небрежным. «Человек с землей живут без обручения», – пишет А. Платонов в романе «Котлован» [14, с. 378]. В более поздних произведениях отношения человека с *землей* принципиально изменятся, и герои текстов Платонова уже не будут воспринимать *землю* как мать, заступницу; скорее наоборот, возникает противостояние *земли* и человека, враждебное отношение: «Нельзя представить, чтобы земля была еще тверже и беспощадней» («Счастливая Москва»).

Рассматривая индивидуально-авторские особенности функционирования образа *неба* в мифопоэтической картине мира А. Платонова, отметим следующее: в романе «Чевенгур» возможны ситуации, когда *небо* и *земля* не выступают

оппозицией, а, напротив, демонстрируют возможность единения: «<...> могучее небо сходится с деревенскими неподвижными угольями» [14, с. 23]. В этой ситуации *земля*, обозначаемая как деревенские уголья, уже не выступает тем живым существом, которое привыкли видеть в текстах А. Платонова. Она неподвижна; *небо* берет на себя главенствующую функцию и сходится с *землей*, выступая как структура, «оформляющая земные порождения» [19, с. 23]. В тексте романа видим подтверждение этой гипотезы: «Колонны главного дома ... важно держали перекладину, на которую опиралось одно небо» [14, 369]. Кроме того, *небо* выступает неким куполом, закрывающим *землю*, соединяясь с ней, и уже не *земля* берет на себя функции укрытия, а *небо*: «Ему стало легче ... под нависшим могущественным небом» [14, с. 374].

Земля и небо олицетворяются А. Платоновым, получают способность чувствовать: «И земля и небо были до утомления несчастны» [14, с. 397]. Испытывая одно и то же чувство, *земля и небо* как бы уравниваются в правах. О взаимопроникновении *земли и неба*, возможности меняться местами сообщают и наблюдения, полученные А. Платоновым в Средней Азии. Обращает на себя внимание запись в одной из записных книжек писателя: «Нигде так близко небо не прилегает к земле, как в пустыне, – она просто смешивается с ним и почти не различается одно от другого, особенно в сумерки, в зной, и ночью, в неопределенное время, когда видишь, что – время это часы – механизм, а не действие природы: времени нет, и пространство веществ воздуха и земли отграничены неясно, как и быть должно» [17, с. 356].

В соответствии с мифическими представлениями *небо* снабжает *землю* влагой (например, в виде дождя), таким образом делая ее плодородной. В картине мира Платонова возможны обратные ситуации: *небо* забирает у *земли* вместо того, чтобы давать: «Ночное звездное небо

отсасывало с земли последнюю дневную теплоту» [14, с. 420]. В данном случае *небо* не выполняет защитные функции *земли*, а наоборот, лишает ее жизни, делая холоднее. *Земля и небо* способны меняться местами, взаимозаменять друг друга: «он окончательно увидел социализм. Это голубое, немного влажное небо, питающееся дыханием кормовых трав» [14, с. 457]. В рассматриваемом произведении А. Платонова функционал *неба* – питать – принимает на себя *земля*, и уже она кормит небо, а не наоборот, как это должно быть с точки зрения мифов, существующих в национальной картине мира. Мысль о том, что *земля и небо* меняются местами, очевидна также в ситуации, когда Платонов описывает рассуждения о смерти отца Саши Дванова: «Он видел смерть как другую губернию, которая расположена под небом, будто на дне прохладной воды» [14, с. 189]. Очевидно, что автор видит небо внизу, на дне водоема, и ниже *неба* располагается смерть (об этом свидетельствует предлог *под*). Неоднократно автор обращает внимание на то, что за небом что-то есть, оно не представляет собой купол, закрывающий и изолирующий землю: «Небо от них чуть светлело по ту сторону мира» [14, с. 298]. Здесь необходимо отметить своеобразие модели мира А. Платонова: устройство его художественного мира вертикально, что совпадает с общепринятой точкой зрения, но внизу не *земля*, а *небо*. Полагаем, такое нетрадиционное понимание мироустройства обусловлено важностью в картине мира писателя именно *земли*, которая занимает первое место во всех его мыслях. По мнению А. Платонова, человек не может существовать без земли, «человек вышел из червя» – пишет он в 1920 году в письме в редакцию газеты «Трудовая армия» [13, с. 109]. Эти же слова повторяет ключевой персонаж романа «Чевенгур» Захар Павлович в своих размышлениях: «человек произо-

шел из червя» [14, с. 190]. Небо же для писателя вторично. Эта позиция, безусловно, находит подтверждение в тексте рассматриваемого романа: «Прошка залезал на крышу, морщился озабоченным лицом и сторожил небо» [14, с. 201]. Автор думает о *небе* как о структуре, которая нуждается в управлении человеком, в контроле им. Например, в приведенном примере мальчик Прошка «сторожит» небо, ожидая дождь, который жизненно необходим, ведь без дождя наступит засуха, и людям будет грозить голод. Подобная точка зрения отражена в национальной мифопоэтической картине мира, например, в молитвах о дожде, заговорах или каких-либо фольклорных текстах. Люди искренне считали, что способны повлиять на погоду, и не единожды в произведениях русской литературы встречаются описания молебнов о дожде и иных способах его призвать (напр., «Поднятая целина» М.А. Шолохова).

Герои «Чевенгура» постоянно размышляют о *небе*: «Захар Павлович подумал, на что похоже небо?» [14, с. 423], «небо светило над советской землей с такой привычкой и однообразием, как будто Советы существовали исстари, и небо совершенно соответствовало им. В Дванове уже сложилось беспорочное убеждение, что до революции и небо, и все пространства были иными – не такими милыми» [14, с. 423]. Очевидно, героев романа интересует и само небо, и его история. Рассуждая о *небе*, герои предполагают, что оно может меняться в соответствии с тем, как меняется *земля*, т.е. происходящее на ней способно влиять на состояние *неба*, и это обстоятельство еще раз подчеркивает мнение о том, что *небо* и *земля* в картине мира писателя находятся в тесной взаимосвязи, а не противостоят друг другу. Однако не любая деятельность на земле обуславливает изменения неба, возможны ситуации, когда с небом ничего не происходит: «<...> раз-

верстое небо над ним ничуть не изменилось от его долголетней деятельности» [14, с. 456].

Небо в начале романа и *небо* в конце – противоположны. Если в начале небо – враг, то по мере развертывания сюжета восприятие неба героями меняется, оно начинает восприниматься как дарящее тепло: «Алексей Алексеевич стоял <...> чувствуя теплоту неба, словно детство и кожу матери, <...> из солнечной середины неба сочилось питание всем людям, как кровь из материнской пуповины» [14, с. 489]. Видим, что автор сообщает небу характеристики земли. Если в национальной мифопоэтической картине мира с матерью сравнивается земля, она матушка, кормилица, то в картине мира А.Платонова эти функции получает небо.

Необычным нам показалось следующее употребление лексемы *небо*: «Газдыханий уже образовал под потолком зала как бы мутное местное небо» [14, с. 384]. Автор романа «Чевенгур» мыслит небо не только как структуру, способную изменяться в соответствии с событиями на земле, но и еще как структуру, способную изменяться в зависимости от территории. Об этом свидетельствует прилагательное *местное*, употребленное в качестве определения к существительному *небо*.

Выводы

Анализируя способы вербализации образа земли и образа неба в романе «Чевенгур», необходимо отметить, что автором в этих целях используются собственно лексемы *земля* и *небо*, которые вводятся в художественный текст романа «Чевенгур» с приращением смысла. Анализ с точки зрения особенностей мифопоэтической картины мира показывает, что функционирование образа земли и образа неба в романе А. Платонова «Чевенгур» обусловлено индивидуально-авторскими особенностями мифопоэти-

ческой картины мира писателя. Его трепетное отношение к земле, выдвижение ее на первый план обусловлено особым отношением писателя к земле, обусловленным его работой мелиоратором. В картине мира писателя находит отражение мифопоэтическая картина мира, в соответствии с которой земля, при правильном с ней обращении, выступает в роли матери, кормилицы и защитницы, укрывая и предоставляя убежище. Небо в

рассматриваемом романе – это структура, способная выполнять функции земли, поскольку по отношению к земле небо вторично. Небо подстраивается под изменения, происходящие с землей или на земле. Это обстоятельство еще раз подчеркивает мнение о том, что небо и земля в картине мира писателя находятся в тесной взаимосвязи, а не противостоят друг другу.

Список литературы

1. Мароши В.В. Роль мифологических оппозиций в мотивной структуре прозы А. Платонова. Эстетический дискурс. Новосибирск, 1991. С. 144–152.
2. Дмитровская М.А. Язык и мирозерцание А. Платонова: дис. ... д-ра филол. наук. М.: РУДН, 1999. 292 с.
3. Баршт К.А. Поэтика прозы Андрея Платонова. 2-е изд., дополн. СПб.: филологический факультет СПбГУ, 2005. 480 с.
4. Сухомлинова Ю.А. Бинарные оппозиции в творчестве Андрея Платонова: дис. ... канд. филол. наук. Самара, 2005. 161 с.
5. Сосновская И.В. Открытие смысла художественного произведения через систему бинарных оппозиций (по повести А. Платонова «Сокровенный человек») // Вестник Бурятского государственного университета. 2017. Вып. 3. С. 140–145.
6. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. Т. 1: А-З. М.: РИПОЛ классик. 2006. С. 564.
7. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. Т. 2: И-О. М.: РИПОЛ классик. 2006. С. 784.
8. Топоров В.Н. Модель мира // Мифы народов мира: Энциклопедия. М., 1980. Т. 2. С. 161–166.
9. Иван – крестьянский сын и Чудо-юдо. URL: <https://frigato.ru/skazki/russkie-narodnye/79-ivan-krestyanskiy-syn-i-chudo-yudo.html> (дата обращения 24.04.2022).
10. Мовлева Н.С. Малый православный толковый словарь. М.: Русский язык – Медиа, 2005. С. 452.
11. Афанасьев А.Н. Поэтические воззрения славян на природу. М.: Директ-Медиа, 2014. Т. 1. С. 87.
12. Карскі, Я. Беларусы; уклад. і камент. С. Гараніна і Л. Ляўшун; навук. рэд. А. Мальдзіс; прадм. Я. Янушкевіча і К. Цвіркі. Мінск : Беларускі кнігазбор, 2001. 640 с.
13. Малыгина Н.М. Андрей Платонов: поэтика «возвращения». М., Науч. изд. 2005. 334 с.
14. Платонов А. Чевенгур // Ювенильное море: повести, роман. М.: Современник, 1988. С. 188–552.
15. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка / Российская академия наук. Институт русского языка имени В. В. Виноградова. 4-е изд., доп. М.: Азбуковник, 1997. С. 369, 371, 459, 586.
16. Платонов А.П. «...я прожил жизнь». Письма. 1920–1950 гг. М.: АСТ, 2019. 720 с.

17. Платонов А.П. Записные книжки. Материалы к биографии. М.: Наследие, 2000. 424 с.
18. Кузнецов И.Н. Предания русского народа. М.: Вече, 2008. 352 с.
19. Шубович С.А. Мифопоэтический феномен архитектурной среды. Харьков: ХНАГХ, 2012. 177 с.

References

1. Maroshi V.V. *Rol' mifologicheskikh oppozitsij v motivnoj strukture prozy A. Platonova. Esteticheskij diskurs* [The role of mythological oppositions in the motivic structure of A. Platonov's prose. Aesthetic discourse]. Novosibirsk, 1991, pp. 144–152.
2. Dmitrovskaya M.A. *Yazyk i mirosozercanie A. Platonova*. Diss. doktora filol. nauk [A. Platonov 's language and worldview. Dr. philol. sci. diss.]. Moscow, RUDN Publ., 1999. 292 p.
3. Barsht K.A. *Poetika prozy Andreya Platonova* [The Poetics of Andrey Platonov 's Prose]. St. Petersburg, filologicheskij fakul'tet SPbGU Publ., 2005. 480 p.
4. Suhomlinova Yu.A. *Binarnye oppozitsii v tvorchestve Andrey Platonova*. Diss. kand. filol. nauk [Binary oppositions in the works of Andrey Platonov. Cand. philol. sci. diss.]. Samara, 2005. 161 p.
5. Sosnovskaya I.V. Otkrytie smysla hudozhestvennogo proizvedeniya cherez sistemu binarnykh oppozitsij (po povesti A. Platonova "Sokrovennyj chelovek") [The discovery of the meaning of a work of art through a system of binary oppositions (based on the story of A. Platonov "The Hidden Man")]. *Vestnik Buryatskogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of the Buryat State University*, 2017, is. 3, pp. 140–145.
6. Dal' V.I. Tolkovyj slovar' zhivogo velikorusskogo yazyka [Explanatory dictionary of the living Great Russian language]. Vol. 1. A-Z. Moscow, RIPOL klassik Publ., 2006. P. 564.
7. Dal' V.I. Tolkovyj slovar' zhivogo velikorusskogo yazyka [Explanatory dictionary of the living Great Russian language]. Vol. 2: I-O. Moscow, RIPOL klassik Publ., 2006. P. 784.
8. Toporov V.N. Model' mira [Model of the world]. *Mify narodov mira. Enciklopediya [Myths of the peoples of the world. Encyclopedia]*. Moscow, 1980, vol. 2, pp. 161–166.
9. Ivan – krest'yanskij syn i Chudo-yudo [Ivan is a peasant's son and a Miracle yudo]. Available at: <https://frigato.ru/skazki/russkie-narodnye/79-ivan-krestyanskiy-syn-i-chudo-yudo.html> (accessed 24.04.2022).
10. Movleva N.S. *Malyj pravoslavnyj tolkovyj slovar'* [Small Orthodox Explanatory Dictionary]. Moscow, Russkij yazyk – Media Publ., 2005. P. 452.
11. Afanas'ev A.N. *Poeticheskie vozzreniya slavyan na prirodu* [Poetic views of the Slavs on nature]. Moscow, Direkt-Media Publ., 2014. Vol. 1. P. 87.
12. Karski Ya. Belarusy; uklad. i kament. S. Garanina i L. Lyaŭshun; navuk. red. A. Mal'dzis; pradm. YA. Yanushkevicha i K. Cvirki [Belarus; way of life. and the stone. S. Garanina and L. Lyashun; navuk. rad. A. Maldzis; sell. Y. Yanushkevich and K. Tsvirki]. Minsk, Belaruskii knigazbor Publ., 2001. 640 p.
13. Malygina N.M. *Andrej Platonov: poetika "vozvrashcheniya"* [Andrey Platonov: the poetics of "return"]. Moscow, Nauch. izd. Publ., 2005. 334 p.
14. Platonov A. Chevengur [Chevengur]. *Yuvenil'noe more: povesti, roman* [Juvenile Sea: novellas, novel]. Moscow, Sovremennik Publ., 1988, pp. 188–552.
15. Ozhegov S. I., Shvedova N. Yu. *Tolkovyj slovar' russkogo yazyka* [Explanatory dictionary of the Russian language]. Moscow, Azbukovnik Publ., 1997. P. 369, 371, 459, 586.

16. Platonov A.P. "...ya prozhil zhizn". *Pis'ma. 1920–1950 gg.* ["... I have lived a life." Letters. 1920-1950]. Moscow, AST Publ., 2019. 720 p.
17. Platonov A.P. *Zapisnye knizhki. Materialy k biografii* [Notebooks. Materials for the biography]. Moscow, Nasledie Publ., 2000. 424 p.
18. Kuznecov I.N. *Predaniya russkogo naroda* [Traditions of the Russian people]. Moscow, Veche Publ., 2008. 352 p.
19. Shubovich S.A. *Mifopoeticheskij fenomen arhitekturnoj sredy* [Mythopoetic phenomenon of the architectural environment]. Har'kov, 2012. 177 p.

Информация об авторе / Information about the Author

Бугакова Надежда Борисовна, кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка и межкультурной коммуникации, Воронежский государственный технический университет, г. Воронеж, Российская Федерация,
e-mail: ya_witch@mail.ru,
ORCID: 0000-0002-2683-0665

Nadezhda B. Bugakova, Cand. of Sci. (Phylological), Associate Professor, the Chair of Russian language and cross-cultural communication, Voronezh State Technical University, Voronezh, Russian Federation,
e-mail: ya_witch@mail.ru,
ORCID: 0000-0002-2683-0665